с ним знакома лично, так как на свою персональную выставку в нашей галерее в 1974 году художник не приезжал. После той выставки галерея приобрела пятнадцать его работ. Это были произведения, выполненные в 1960-х: иллюстрации к Пушкину («Граф Нулин», «Письмо к Чаадаеву»), Гоголю («Записки сумасшедшего»), Козьме Пруткову («Плоды раздумья», 1961–1963), Юрию Тынянову («Малолетний Витушишников», 1966). Финансировало приобретение областное управление культуры.

С Николаем Васильевичем мы сразу разговорились. Кое-что я записала.

— *Художники-иллюстраторы,* — начал он, — *самые грамотные художники, так как книжки читают.*

— *А что вы тогда скажете о Паоло Трубецком, который на вопрос Толстого, что вы читали из моих произведений, ответил: «Я не читал: не хочу, чтобы это повлияло на мои личные впечатления». Тем не менее скульптор создал несколько прекрасных портретов Льва Николаевича…*

Н. В. Кузьмин. «Пушкин». Вариант фронтисписа буклета выставки книги в Лейпциге, 1959 год

— *Это исключение. Редкое. И время другое было, и среда другая. И потом Трубецкой — скульптор. Он не иллюстрировал Толстого.*

У меня дома была книжка Кузьмина «Круг царя Соломона» (1966). Я её прочитала и отлично помнила. Конечно, сказала Николаю Васильевичу про то, что мне в ней понравилось:

— *Какая у вас замечательная память. Так запомнить быт своего детства, речь близких: все эти «опоясочки», «атласные подушечки», то, как вам объясняли сроки церковных праздников. Я тоже росла в большой семье. Родная сестра моей бабушки, уже слепая, была очень верующим человеком. Я часто водила её в церковь, читала для неё Евангелие, но она никогда не объясняла мне ничего про Пасху, хотя мы торжественно отмечали этот праздник. Что такое аграмант, до сих пор не знаю! Может, вы, Николай Васильевич, выпили состав для укрепления памяти, о котором говорил один из ваших героев?..*

Кузьмин замечательно улыбнулся, но тут вошла Татьяна Алексеевна, и мы с Николаем Васильевичем попрощались.

Не помню, в этот ли мой приход к Мавриной или в какой другой она подарила нашей галерее мезенскую прялку, а также две картины: «Натюрморт с часами» и «Пейзаж» (московский), обе работы 1941 года. У меня хранится несколько писем Татьяны Алексеевны. В свои письма она всегда вкладывала маленькие рисуночки — к Новому году, к Пасхе…

Вернувшись домой, я взяла с полки «Круг царя Соломона» Кузьмина и сразу окунулась в поэзию народного языка.

«— Бабушка, подлей молочка.

Бабушка подольёт, но непременно скажет:

— А ты, Колюшка, зачерпывай молочка поменьше, а кашки побольше: молочко-то нынче шильцем хлебают.

Я ем кашу, а бабушка сидит напротив. Перед нею мягкий валик, весь утыканный булавками по бумажному узору. От булавок тянутся на нитках палочки — коклюшки. Бабушка плетёт кружево — конец на полотенце. Среди узора на кружевах читаются буквы: